

© 2018 г.

Член-корр. РАН П.П. ЧЕРКАСОВ

ГЕНЕРАЛ КАВЕНЬЯК

Черкасов Петр Петрович — член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

«Спаситель Республики» или «палач Парижа» — такие диаметрально противоположные оценки современников еще при жизни получил генерал Луи Эжен Кавеньяк, совсем недолго находившийся на вершине власти во Франции. В глазах крупной и средней буржуазии, всего политического бомонда Второй республики он был «спасителем» Франции от революционного хаоса и насилия. Для демократов и социалистов, для десятков тысяч парижан, участников и свидетелей Июньского восстания 1848 г., с невиданной прежде жестокостью подавленного Кавеньяком, наделенным диктаторскими полномочиями, он был и остался «палачом» («bougeau»).

На протяжении полугода (с июня до декабря 1848 г.) генерал Кавеньяк объединял в своих руках функции главы государства, руководителя правительства и главнокомандующего вооруженными силами. Однако вопреки ожиданиям одних и опасениям других он не воспользовался предоставленными ему чрезвычайными полномочиями в личных целях, но добровольно сложил их с себя, как только внутренняя обстановка во Франции после пережитых потрясений начала возвращаться в обычное русло.

* * *

С самого рождения Луи Эжену Кавеньяку суждено было стать убежденным республиканцем. Он родился 15 октября 1802 г. (23 вандемьера IX года Республики) в Париже¹. Его отец, Жан-Батист Кавеньяк, бывший до 1789 г. адвокатом в парламенте Тулузы, с падением Старого порядка сделался пламенным революционером. В 1790 г. он вошел в состав директории департамента Лот, а в сентябре 1792 г. был избран в Конвент, где присоединился к группе монтаньяров. 26 декабря 1792 г. Кавеньяк-старший голосовал в Конвенте за смертную казнь низложенного Людовика XVI. Вскоре после этого его направили в Брест как комиссара республиканской армии. В дальнейшем в том же качестве Кавеньяк оказался в Нанте, в Вандее и Западных Пиренеях. Находясь вдали от столицы, он не одобрил якобинского переворота, осуществленного в июне 1793 г.

Кавеньяку, отправленному в 1794 г. с инспекционной миссией в Рейнскую армию, удалось благополучно пережить Террор. После падения Робеспьера он сумел наладить контакт с Полем Баррасом — фактическим главой Термидорианского режима. В 1795 г. дважды — в мае и октябре — Кавеньяк оказывал поддержку Баррасу в подавлении восстаний в Париже. Тогда же, в 1795 г., он избирается в Совет Пятисот — одну из палат парламента эпохи Директории. В период Консульства и Империи Кавеньяк, сохранивший верность республиканским убеждениям, тем не менее, продолжает делать успешную карьеру; он входит в круг сподвижников короля Неаполя Жозефа Бонапарты, а затем и сменившего его Иохима Мюрата.

¹ О нем см.: *Deschamps A.* Eugène Cavaignac. Paris, 1870; *Général Pierre Ibos.* Général Cavaignac: Un dictateur républicain. Paris, 1930; *Givaudon P.* Chronique des Cavaignac. Paris, 2010.

Здесь, на берегу живописного Неаполитанского залива, в полном семейном достатке прошли пять счастливых детских лет будущего генерала Кавеньяка.

Не приняв режим Реставрации, установленный после падения наполеоновской империи в 1814 г., Кавеньяк-старший приветствовал возвращение Наполеона с о-ва Эльба. В период «Ста дней» он стал префектом департамента Сомма. После окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо Кавеньяк подвергся преследованию со стороны вернувшихся к власти Бурбонов. Ему припомнили все его революционные заслуги, и прежде всего то, что он голосовал за смертную казнь Людовика XVI. Как «цареубийца» («regicide»), Жан-Батист Кавеньяк подлежал изгнанию за пределы Франции. В 1815 г. он нашел убежище в Брюсселе, городе, где ему суждено будет умереть в 1829 г. в возрасте 67 лет.

Семью он оставил в Париже, не рискуя подвергать ее лишениям вынужденной эмиграции. У 35-летней супруги «цареубийцы» на руках остались трое детей — два сына и дочь. Мари Жюли Кавеньяк, урожденная Оливье де Корансез, полностью разделяла республиканские убеждения мужа. В таком же духе она воспитывала и детей. В отсутствие отца семейства им пришлось вести едва ли не полуголодное существование в небольшой съемной квартирке. В своих воспоминаниях мадам Кавеньяк описывает, как распродала все, что только можно было продать, — мебель, столовое серебро, личные ювелирные украшения². Сыновьям во что бы то ни стало надо было дать образование. Мадам Кавеньяк удалось устроить обоих — и старшего Годфруа, и младшего Эжена — в старейший (основанный в 1460 г.) парижский коллеж Сент-Барб, расположенный на холме Св. Женевьевы, по соседству с Сорбонной.

Очень скоро Эжен Кавеньяк выдвинулся в первый ряд «барбистов», как называли учащихся этого коллежа. Будучи отличником по всем предметам, особый интерес он проявлял к точным наукам, поэтому, закончив коллеж, изъявил желание продолжить обучение не в Сорбонне, как многие его однокашники, а в Политехнической школе (École polytechnique), где готовили военных инженеров³. В 1820 г. Эжен становится студентом этого высшего учебного заведения, основанного в разгар революции, в 1794 г. Военную направленность Политехнической школы, которая изначально называлась Центральной школой общественных работ (École centrale des travaux publics), придал в 1804 г. император Наполеон, озабоченный подготовкой офицерских кадров военно-технического профиля — саперов, инженеров-фортификаторов, мостостроителей и т.д.

В 1820-е годы Политехническая школа постепенно превращается в один из очагов антиправительственных настроений. Среди части «политехников» распространяются либеральные и даже республиканские идеи, которые в полной мере проявятся в дни Июльской (1830 г.), а затем и Февральской (1848 г.) революций. Эжен Кавеньяк, сын «цареубийцы», разделявший убеждения отца-изгнанника, естественно, относился к числу тех «политехников», кто исповедовал оппозиционные настроения.

В 1822 г., после Политехнической школы, он решает пополнить свое военное образование, для чего отправляется в г. Мец, где поступает в артиллерийское училище. Время учебы пролетело незаметно. В 1824 г. Кавеньяк получает офицерский аттестат и назначение во 2-й инженерный полк.

После нескольких лет мирной службы он приобрел первый боевой опыт в ходе Морейской экспедиции. Так во французской историографии называют участие французских войск в национально-освободительной революции в Греции (1821–1829 гг.) на стороне восставших против османского господства греков. В августе 1828 г. полк, в котором служил Кавеньяк, в составе экспедиционного корпуса был доставлен морем

² [Cavaignac Julie] Les Mémoires d'une Inconnue. Publiés sur le manuscrit original 1780–1816. Paris, 1894, p. 404–405.

³ См.: Fourcy A. Histoire de l'École polytechnique. Paris, 1987; Miquel P. Les Polytechniciens. Paris, 1994; Belhost B. La formation d'une technocratie: L'École polytechnique et ses élèves de la Révolution au Second Empire. Paris, 2003.

к берегам Пелопонесса. Участие Кавеньяка в этой экспедиции оказалось непродолжительным: в самом конце 1828 г. его полк вернулся во Францию.

Июльская революция 1830 г. застала второго капитана⁴ Кавеньяка в Аррасе, административном центре департамента Па-де-Кале. Падение режима Реставрации Эжен встретил с воодушевлением, но, правда, быстро разочаровался в Июльской монархии, обманувшей его ожидания. Как и его старший брат Годфруа, к тому времени уже известный леворадикальный журналист, Эжен открыто высказывался в пользу республики. Однажды, это случилось в 1831 г., командир полка в собрании офицеров задал второму капитану Кавеньяку вопрос, отдаст ли он своим солдатам приказ стрелять в толпу в случае антиправительственного восстания. «Нет», — без колебаний ответил тот. Об этом беспрецедентном случае стало известно в военном министерстве. Не решившись отдать Кавеньяка под суд и тем самым придать делу публичную огласку, военный министр приказал вывести нелояльного офицера за штат. Строгому взысканию подвергся и командир полка, столь неуместным вопросом создавший всю эту ситуацию.

Год спустя опальный Кавеньяк получает назначение в Африканскую армию и отправляется в только что завоеванный Францией, но не окончательно покоренный Алжир. Здесь он принимает участие в боевых столкновениях с отрядами эмира Абд-эль-Кадера, возглавившего сопротивление французским интервентам. В 1833 г. Кавеньяк становится кавалером Почетного легиона. На отличившегося при взятии в декабре 1835 г. столицы эмира г. Маскара Кавеньяка обращает внимание сам генерал-губернатор Алжира, ветеран наполеоновских войн маршал Бертран Клозель. Он хотел было отметить храброго офицера, но в Париже не утвердили его представление.

Этому помешали обстоятельства, связанные с антиправительственной деятельностью старшего брата Кавеньяка — Годфруа. Начиная адвокат, он вскоре же оставил юриспруденцию, целиком посвятив себя журналистике и общественной деятельности в рядах радикально настроенных республиканцев⁵. В июльские дни 1830 г. Годфруа вместе с группой студентов участвовал в штурме Лувра, затем вступил в Национальную гвардию, воссозданную генералом Лафайетом. Установление Июльской монархии Годфруа Кавеньяк воспринял как измену революции, которая, по его убеждению, должна была завершиться провозглашением республики. Он стал активным участником республиканских организаций — «Общества друзей народа», «Общества прав человека» и «Ассоциации в защиту патриотической прессы». В апреле 1831 г. Годфруа и восемь его товарищей, обвиненные в подготовке антиправительственного восстания, были арестованы и отданы под суд. На суде Кавеньяк публично заявил о своих республиканских убеждениях, не совместимых с существующим режимом. Выступление на открытом судебном процессе сделало имя Годфруа Кавеньяка известным всей Франции, и власти не решились тогда отправить его в тюрьму.

Удобный случай представился им три года спустя. В ночь на 15 апреля 1834 г. Годфруа Кавеньяк и его единомышленники предприняли в Париже вторую попытку свержения режима Луи-Филиппа. Выступление республиканцев было быстро подавлено, а его организаторов, в том числе и Годфруа Кавеньяка, арестовали и приговорили к тюремному заключению. 12 июля 1835 г. Кавеньяк сумел устроить побег для 26 узников из считавшейся самой надежной парижской тюрьмы Сент-Пелажи. В конце 1835 г. он вместе с двумя единомышленниками перебрался в Англию, где французские республиканцы развернули активную деятельность против режима Июльской монархии.

⁴ Чин второго капитана (*capitaine en second*) во французской армии соответствовал званию штабс-капитана в русской армии.

⁵ О нем см.: *Portraits républicains*: Armand Carrel, Godefroy Cavaignac, Armand Marrast. Paris, 1870; *Gilmore J. La République clandestine 1818—1848*. Paris, 1997; *Givaudon P.* Op. cit.

Разумеется, столь сомнительное родство не могло обеспечить Эжену Кавеньяку успешное продвижение по службе, хотя командование считало его способным и энергичным офицером.

Второй раз Кавеньяк громко заявил о себе в 1836 г., когда, имея под командой всего один батальон (500 штыков) и без запасов провианта, он выдержал 15-месячную осаду в приграничном с Марокко форте Тлемсен. Недостающее продовольствие осажденные французы добывали отчаянными вылазками в расположение противника. Кавеньяк подавал солдатам личный пример мужества и стойкости. Он питался из одного с ними котла, отказавшись от положенных ему привилегий. Абд-эль-Кадеру с превосходящими силами так и не удалось взять Тлемсен, важный стратегический пункт. На всем протяжении затянувшейся блокады гарнизона генерал Тома-Робер Бюжо, главнокомандующий французскими войсками в Алжире, неоднократно просил военного министра поощрить наградами героических защитников Тлемсена, однако всякий раз получал отказ. В Париже не желали награждать Кавеньяка и его подчиненных.

Когда осада была снята, генерал Бюжо представил героя Тлемсена к очередному званию. Но тут проявил характер строптивый Кавеньяк: он потребовал, чтобы отмечены были все офицеры его батальона, в противном случае он отказывается от повышения. Министр вынужден был удовлетворить это требование, тем более что подвиг защитников Тлемсена получил освещение в прессе. Засидевшемуся во вторых капитанах Кавеньяку наконец-то присвоили звание майора. Проблемы со здоровьем и семейные дела побудили его взять отпуск и уехать во Францию, где он провел более года.

В 1839 г. майор Кавеньяк возвращается в Алжир и вступает в командование батальоном. Он принимает активное участие в боевых действиях, в ходе которых получает два тяжелых ранения. Заслуги Кавеньяка, несмотря на неприятно звучащую для правительства фамилию, теперь уже трудно не заметить. В 1841 г. ему вручают офицерский, а в 1843-м — командорский крест Почетного легиона. Кавеньяк продвигается в чинах и должностях. В 1841 г. он уже полковник, командир полка зуавов (легкой пехоты во французских колониальных войсках). За участие 14 августа 1844 г. в сражении при Исли, на алжиро-марокканской границе, где французы разгромили армию султана Марокко Абд-аль-Рахмана и отряды Абд-эль-Кадера, полковнику Кавеньяку, командовавшему французским авангардом, присвоили звание бригадного генерала⁶.

Продвижение Кавеньяка по ступеням военной лестницы совпало с апогеем известности его брата Годфруа. Весной 1840 г. Годфруа Кавеньяк, получив амнистию от незлопамятного Луи-Филиппа, после почти пятилетнего отсутствия возвращается во Францию. Он немедленно возобновляет активную общественную деятельность, сближается с молодым журналистом и начинающим историком Луи Бланом, придерживающимся социалистических взглядов. Среди единомышленников Годфруа — Александр-Огюст Ледрю-Роллен, Виктор Шёршель, Фердинанд Флокон, христианский социалист Фелисите Робер де Ламенне и другие убежденные республиканцы.

Вместе с ними в июле 1843 г. он участвует в создании газеты «Реформа» («La Réforme»), превратившейся в рупор республиканских идей. Это оппозиционное издание, быстро получившее широкую популярность, в значительной степени подготовило почву для революции 1848 г., в которой самое активное участие примут единомышленники Годфруа Кавеньяка. Правда, ему самому не суждено было увидеть воплощение своих республиканских идеалов. 5 мая 1845 г. в возрасте 44 лет он умер вследствие обострения хронического плеврита. Друзья-республиканцы превратили похороны Годфруа Кавеньяка в многочисленную антиправительственную акцию.

⁶ Формально звание, полученное Кавеньяком, называлось тогда иначе — полевой маршал (maréchal de camp). Впервые оно появилось во Франции еще в XV в. и просуществовало до 1793 г., когда была введена новая, двухступенчатая система генеральских званий — бригадный и дивизионный генерал. Полевой маршал стал именоваться бригадным генералом. Режим Реставрации восстановил звание полевого маршала, оно сохранилось и при Июльской монархии. После Февральской революции 1848 г. вновь вернулись к званию бригадного генерала.

Занявший видное положение в военной иерархии генерал Кавеньяк никогда не скрывал, что во многом разделяет убеждения старшего брата, хотя был настроен менее радикально, чем Годфруа, и всегда гордился братом-оппозиционером.

Умеренно республиканские взгляды генерала Кавеньяка не помешали благожелательному отношению к нему со стороны нового генерал-губернатора Алжира герцога Омальского, сына Луи-Филиппа. Герцог Омальский возглавил гражданскую и военную администрацию колонии в сентябре 1847 г., но Кавеньяка он знал давно — еще с 1839 г., когда в чине младшего лейтенанта впервые был послан отцом-королем в Алжир набираться военного опыта. Впоследствии этот отпрыск Орлеанского дома еще дважды находился в составе колониальной армии в Алжире и участвовал в ряде боевых операций. Высоко оценив командирские качества Кавеньяка, он усмотрел в нем также способности гражданского администратора. Этим и объяснялось его решение назначить Кавеньяка губернатором Оранской провинции. На новом посту Кавеньяк проявил себя с самой лучшей стороны, сочетая заботу о подчиненных ему войсках с уважительным отношением к коренному населению. Он пресекал все попытки военных и французских колонистов «обижать» местных жителей. Не случайно арабы называли Кавеньяка «справедливым султаном».

Пока генерал Кавеньяк занимался делами управления Оранской провинцией Алжирского генерал-губернаторства, в Париже произошла революция, которая 24 февраля 1848 г. ликвидировала режим Июльской монархии⁷. Сформированное в тот же день республиканское Временное правительство имело все основания опасаться угрозы со стороны 100-тысячной Африканской армии во главе с сыном свергнутого Луи-Филиппа, герцогом Омальским. Никто не мог гарантировать, что его боеспособные войска не пересекут Средиземное море и не пойдут в поход на Париж, чтобы восстановить в законных правах девятилетнего графа Парижского (Луи-Филиппа II), внука Луи-Филиппа I, в пользу которого «король-гражданин» отрекся 24 февраля.

В Париже не знали, что герцог Омальский так и не нашел в себе мужества и решимости спасти трон Орлеанов и отказался от мысли идти на Париж. Зато члены Временного правительства прекрасно знали о том, что в Алжире находится генерал Кавеньяк, младший брат их умершего друга и единомышленника Годфруа Кавеньяка. Глава Временного правительства Жак Шарль Дюпон де л'Эр, как и члены его кабинета — Александр Ледрю-Роллен, Луи-Антуан Гарнье-Пажес, Франсуа Араго и другие, были хорошо осведомлены о республиканских симпатиях генерала Кавеньяка. Именно на него они и сделали ставку, желая предотвратить военную интервенцию из Алжира.

Одним из первых распоряжений Временного правительства бригадный генерал Эжен Кавеньяк был произведен в дивизионные генералы и назначен генерал-губернатором Алжира. Смещенный с этого поста герцог Омальский счел за благо немедленно покинуть Алжир и отправиться в Англию, где уже обосновались изгнанные из Франции Орлеаны.

Будучи человеком трезвомыслящим, Кавеньяк адекватно оценил главную причину своего неожиданного возвышения. «Вы, точно так же, как и я, знаете, что память о моем благородном брате, живущая между гражданами, меня избравшими, побудила их вручить мне управление делами Алжира», — объявил он в обращении к жителям алжирской столицы. Ту же мысль он выразил и в прокламации, адресованной жителям Орана: «Моем назначением правительство хотело от имени нации почтить память доблестного гражданина, моего брата»⁸.

⁷ См.: Революция 1848 года во Франции (февраль — июнь) в воспоминаниях участников и современников. М. — Л., 1934; *Застенкер Н.* Революция 1848 года во Франции. М., 1948; *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 7.

⁸ Цит. по: *Чернышевский Н. Г.* Кавеньяк. — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., в 15 т., т. 5. М., 1950, с. 11.

«Этим прямотдушным сознанием очень хорошо определяется и личный характер Кавеньяка, и его справедливое понятие о степени своих достоинств, — отметил Н. Г. Чернышевский в очерке 1858 г., посвященном памяти генерала Кавеньяка. — Он сам указывает, что далеко не имеет гения, каким отличался его старший брат; что если бы не блеск, сообщенный его имени деятельностью брата, он не был бы замечен как человек, которого надобно выдвинуть вперед; но только человек, вполне уверенный, что своими достоинствами оправдает выбор, которым обязан постороннему обстоятельству, уверенный, что никто не назовет его недостойным занятого им места, может так прямо и громко говорить, что еще больше, нежели самому себе, одолжен он своим выбором заслугам другого»⁹.

Утвердившись во главе генерал-губернаторства, генерал Кавеньяк заверил Временное правительство в полной лояльности подчиненных ему войск, после чего отправился в Париж с намерением представить свою кандидатуру на объявленных выборах в Учредительное собрание, которое должно было легитимировать провозглашенную 25 февраля 1848 г. Вторую республику¹⁰. Он отказался баллотироваться от французских колонистов подчиненного ему Алжира, считая, что такое гарантированное избрание не может быть признано безупречным, и выставил свою кандидатуру одновременно в двух департаментах метрополии — Сена и Лот (Аквитания). «Он хотел сохранить себя совершенно чистым от всякого подозрения в искательстве, в честолюбии, в желании пользоваться данной ему властью для какой-либо личной выгоды», — заметил по этому поводу явно симпатизировавший ему Чернышевский¹¹.

Убедившись, что Кавеньяк полностью устранил угрозу со стороны армии, дислоцированной в Алжире, Временное правительство считало, что лояльный к Республике, решительный генерал теперь будет более полезен в Париже, чем вдали от столицы, где начали появляться первые признаки приближавшегося кризиса: многие участники недавней революции проявляли растущее недовольство излишне умеренной политикой правительства, обманувшего ожидания демократов и социалистов. Правительство нуждалось в таком решительном военачальнике, как генерал Кавеньяк. Ему неоднократно делали предложение занять пост военного министра, но он всякий раз отказывался. Его требование — разрешить ему сосредоточить в непосредственной близости от Парижа армию, способную в случае вооруженных беспорядков подавить их и восстановить спокойствие в столице, — вызывало опасения у леворадикальных членов правительства Луи Блана и Альбера, считавших себя представителями городских низов во власти. А без удовлетворения этого условия Кавеньяк, почувствовавший неизбежность конфликта, считал свое участие в правительстве бесполезным.

Еще 26 февраля, через два дня после падения Июльской монархии, под давлением левых радикалов был принят декрет об организации так называемых национальных мастерских (Ateliers Nationaux) с целью занять там безработных рабочих и разорившихся ремесленников. Декретом от 2 марта была сокращена на один час продолжительность рабочего дня (10-часового в Париже и 11-часового в провинции). 5 марта было объявлено о введении во Франции всеобщего избирательного права при тайном голосовании для мужчин, достигших 21 года (при шестимесячном сроке оседлости в данной местности).

Обострившееся финансовое положение страны вынудило правительство пойти на непопулярную меру. 16 марта было принято решение о повышении на 45% прямых налогов, что, конечно же, вызвало взрыв недовольства. Внутри правительства

⁹ Там же, с. 9—10.

¹⁰ Как известно, Первая Французская республика была учреждена 22 сентября 1792 г. и существовала до 18 мая 1804 г., когда Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором французов, а Францию — империей.

¹¹ Чернышевский Н. Г. Указ. соч., с. 12.

усилилась борьба умеренных республиканцев с радикально настроенной частью министров, придерживавшихся социалистических убеждений.

Выборы в Учредительное собрание, состоявшиеся 23 апреля 1848 г., оказались благоприятными для умеренных республиканцев, получивших половину мест в парламенте (450 из 900). Среди них оказался и генерал Кавеньяк, чья победа на выборах была весьма убедительной. Левым радикалам достались 200 депутатских мандатов, причем ряд их лидеров — Бланки, Кабе, Распай и другие — в парламент не попали. Остальные места поделили между собой монархисты-орлеанисты и легитимисты.

* * *

Учредительное собрание начало работу 4 мая с принятия декларации, подтверждающей установление во Франции республиканской формы правления. Вторым своим решением Собрание расформировало Временное правительство и избрало так называемую Исполнительную комиссию, наделив ее правительственными функциями. Все посты в новом государственном органе достались умеренным республиканцам. Недовольные отстранением от власти, левые радикалы при поддержке революционных клубов организовали 15 мая многотысячную антиправительственную демонстрацию и попытались захватить здание Учредительного собрания, объявив последнее распущенным. Одновременно они сформировали революционное Временное правительство. Ситуация становилась угрожающей.

В Исполнительной комиссии тут же вспомнили о генерале Кавеньяке и его предложении — создать боеспособную ударную силу в окрестностях Парижа для подавления антиправительственных выступлений. Кавеньяку предложили войти в состав Исполнительной комиссии, где он должен был отвечать за вопросы внешней и внутренней безопасности в качестве военного министра.

На этот раз Кавеньяк счел своим долгом принять предложение. 17 мая 1848 г. он становится членом Исполнительной комиссии и сразу приступает к наведению порядка. Бланки, Барбес, Распай, Альбер и другие лидеры мятежников были арестованы. Началось спешное переформирование войск в Парижском районе. Всем было ясно — новое столкновение неизбежно.

Поводом к нему послужило правительственное распоряжение о реорганизации национальных мастерских¹², откуда уволили всех холостых рабочих от 18 до 25 лет, подлежащих немедленной мобилизации в армию, и об отправке остальных на земляные работы в столице и провинции. Таким образом тысячи заводских рабочих, слесарей, ткачей, портных, наборщиков, граверов, ювелиров, фортепьянщиков и прочих ремесленных людей обратили в землекопов. Из-за административной неразберихи и вражды инженерного ведомства с министерством общественных работ сама по себе разумная идея была скомпрометирована ее неуклюжей реализацией. Даже те, кто сохранил свои места в национальных мастерских, нередко занимались совершенно бесполезным, сизифовым, трудом. А новоиспеченным землекопам сначала поручили вырыть рвы и насыпать террасы на Марсовом поле, а потом приказали все это засыпать. Некоторое время спустя бессмысленная операция повторилась. Примерно то же самое происходило и в других районах Парижа. В провинции, куда из столицы откомандировали избыток рабочей силы, положение было не лучше.

Это решение правительства, помимо соображений экономии бюджетных средств¹³, было продиктовано и желанием властей убрать из Парижа активных участников майского выступления, значительную часть которых составляли именно рабо-

¹² К июню 1848 г. число рабочих, занятых в национальных мастерских, достигло 150 тыс. человек, увеличившись более чем в семь раз по сравнению с мартом (20 тыс.).

¹³ В действительности создание национальных мастерских с постоянно возрастающей численностью работников обернулось огромными затратами, неподъемными для бюджета. Очень скоро правительство осознало допущенный просчет и поспешило его исправить путем «реорганизации» национальных мастерских.

чие национальных мастерских. Следует отметить, что многие успешно уклонялись от фактически принудительной «трудовой мобилизации», оставшись в Париже.

Правительственное распоряжение было опубликовано 22 июня 1848 г., а уже на следующий день столица была охвачена восстанием. По некоторым оценкам число его участников достигало 40 тыс. человек. Их лозунгами были слова: «Хлеба или свинца! Свинца или работы! Жить работая или умереть сражаясь! Да здравствует демократическая и социальная республика! Долой эксплуатацию человека человеком!».

Правительство и верхушку буржуазии охватила паника. Их взоры обратились к генералу Кавеньяку. Для восстановления порядка в охваченной восстанием столице он получил от Учредительного собрания всю полноту исполнительной власти, фактически — диктаторские полномочия.

В течение трех дней — 24, 25 и 26 июня — генерал-диктатор огнем и мечом подавляет восстание, пустив в ход весь имеющийся в его распоряжении военный арсенал, включая артиллерию. «Картечь, бомбы и ядра трое суток осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное действие артиллерии доставляло перевес регулярному войску. Рукопашные битвы были чрезвычайно упорны... Ветераны наполеоновских времен говорили, что никакой штурм неприятельской крепости во времена Первой империи не был так кровопролитен», — отмечал русский современник описываемых событий¹⁴.

Генерал разработал план операции, предполагавший сосредоточение крупных сил на одном главном участке, выбранном для последующего наступления. В других частях охваченного восстанием города он придерживался оборонительной тактики. Начав наступление на позиции повстанцев с выбранного направления, Кавеньяк стремился разорвать сообщение между повстанческими отрядами, контролировавшими различные городские кварталы, изолировать их, а затем поочередно очистить квартал за кварталом с помощью артиллерии. «Знатоки военного дела говорят, что этот план был превосходно и задуман, и исполнен Кавеньяком и что при всякой другой системе борьбы инсургенты на некоторое время, по всей вероятности, овладели бы всем Парижем», — писал об этом Н. Г. Чернышевский¹⁵.

Кавеньяк не жалел никого — даже собственных солдат и офицеров, что ранее было ему совсем не свойственно. За три дня уличных боев невосполнимые потери правительственных войск составили более 1600 человек. Среди убитых оказались 6 генералов из 14, задействованных в карательной операции. 5 генералов были ранены. Потери мятежников, по имеющимся оценкам, превысили 5 тыс. человек. По подозрению в участии в восстании были арестованы более 11 тыс. парижан.

Сразу же после подавления восстания распоряжением «главы исполнительной власти» — так отныне называлась новая должность генерала Кавеньяка — в Париже было введено осадное положение, предполагавшее временную передачу армии всех управленческих, полицейских и судебных функций. Другим распоряжением Кавеньяка ликвидировались национальные мастерские как очаги мятежных настроений. Был наложен запрет на выход всех оппозиционных газет и журналов. В массовом порядке проводились депортации участников восстания 23 июня (более 4 тыс. человек) в отдаленные заморские владения Франции.

Опомнившись от пережитого ужаса Учредительное собрание предложило дивизионному генералу Кавеньяку принять маршалский жезл, но он отказался от этой высшей воинской чести, справедливо полагая, что звание маршала Франции добывается на полях сражений с внешним противником, но не за уличные бои с собственными мятежниками. Тем не менее, как только порядок в столице был восстановлен, Кавеньяк согласился занять пост председателя Совета министров. Он будет занимать его вплоть до 20 декабря 1848 г., когда станут известны результаты выборов президента Второй республики.

¹⁴ Чернышевский Н. Г. Указ. соч., с. 30–31.

¹⁵ Там же, с. 30.

Широкая известность, которую получил генерал Кавеньяк после подавления Июньского восстания, имела две стороны: для консервативно-либеральных кругов он был героем, спасителем от революционного насилия и хаоса; для демократов и социалистов, для низших городских слоев общества — кровавым диктатором. О таком противоречивом отношении к Кавеньяку свидетельствовал и агент Третьего отделения в Париже Я. Н. Толстой, внимательно следивший за развитием событий во французской столице. «По мнению многих людей, — сообщал он в Петербург, — генерал Кавеньяк — человек выдающийся. Лстецы сравнивают его с Вашингтоном по организаторским способностям и с Наполеоном — по манере выражаться кратко и сжато; наконец, по мнению партии, которая его поддерживает, это — избранник Провидения. Зато монтаньяры, коммунисты и вся иступленная республиканская клика поклялась преследовать его своей мстостью»¹⁶.

Российский посланник в Париже Н. Д. Киселев в донесениях в Петербург не скрывал своего восхищения «прекрасным поведением» и «блестящей храбростью» генерала в июньские дни. Он считал его единственным человеком, способным остановить дальнейшее развитие революции во Франции и ее расползание по Европе, чего так опасался Николай I. Именно Кавеньяка хотел бы видеть царь во главе Французской республики после президентских выборов, назначенных на декабрь 1848 г.

Между тем внимательное наблюдение за Кавеньяком постепенно приводит парижского резидента Третьего отделения к выводу, что позиции генерала не так уж прочны, как представляется на первый взгляд, а перспектива всеобщих выборов президента не исключает провала главы исполнительной власти. «Диктатура генерала Кавеньяка начинает вызывать в стране нетерпение, — сообщал в Петербург Толстой. — В провинции недовольство особенно ясно выражается, и оно уже во многих местах прорывается в восстаниях, стоивших жизни многим людям. Генерал Кавеньяк пользуется, очевидно, системой, которая в такой буйной стране, как Франция, не может принести пользы. Система эта, прозванная прессой “золотой серединой”, является скорее всего выражением нерешительности характера: с одной стороны, он свирепствует самым жестоким образом против анархистов; с другой стороны, он объявляет себя горячим сторонником демократической республики. В Париже открыто говорят о ложной позиции, занятой им; сохранение осадного положения истолковывается как доказательство его неспособности управлять иначе, нежели опираясь на штыки»¹⁷.

Как вскоре окончательно выяснил Толстой, позиции Кавеньяка были достаточно шаткими не только в обществе, но даже в армии. «Генерал Кавеньяк, как известно, — докладывал Толстой 30 сентября 1848 г. начальнику Третьего отделения графу А. Ф. Орлову, — обязан своим положением только своему имени: он сын террориста, отвратительного человека, брат заговорщика. Как военный он пользуется более чем посредственной репутацией. Еще шесть месяцев тому назад военные, бывшие во Франции, почти не имели представления о его существовании...

Генерал Кавеньяк весьма мало популярен в армии; казалось бы, однако, что военные должны бы быть польщены, видя одного из своих начальников во главе правительства; но его неспособность известна — его видели и оценили в Африке. Все отдают справедливость его личной храбрости, но эта храбрость — без блеска и решимости, не имеющая в себе ничего, что действует на солдата и вызывает его обожание. Вообще в армии не верят в энергию и силу характера председателя Совета (министров. — П.Ч.). Солдаты о нем говорили: “Это корова в львиной шкуре”.

Что касается его административной деятельности, длившейся несколько недель, то она была в высшей степени плачевна. Как только он был назначен алжирским генерал-губернатором, все пришло в беспорядок. Никогда еще дела колонии не велись так плохо. Таким образом, он явился во Францию при обстоятельствах, не обещавших ничего хорошего; но благодаря воспоминаниям, которыми, однако, ему нет основания

¹⁶ Революция 1848 г. во Франции (Донесения Я. Толстого). Л., 1926, с. 96.

¹⁷ Там же, с. 98.

особенно гордиться, покровительству газеты «Насьональ»¹⁸ и случайному стечению обстоятельств он возглавляет правительство Франции.

Генералы Ламорисьер, Бедо, Шангарнье¹⁹, считающие себя более достойными, чем г-н Кавеньяк, не могли без чувства горечи видеть этого возвышения, ставившего их в подчинение человеку, ниже их стоявшему. Эти три генерала, смотря по обстоятельствам, сделаются руководителями или орудиями партий, которым понадобится их шпага для того, чтобы противопоставить ее республиканской клике генерала Кавеньяка»²⁰.

Июньский кризис побудил Учредительное собрание ускорить подготовку конституции Второй республики, где наряду с однопалатным парламентом (Законодательным собранием) предполагалось учреждение поста президента, избираемого всенародным голосованием и наделенного широкими полномочиями. Занять этот пост желали многие из лидеров Февральской революции — Ледрю-Роллен, Ламартин, Распай, а также генерал Шангарнье, тогдашний главнокомандующий Национальной гвардии и войсками столичного гарнизона общей численностью до 100 тыс. штыков. К числу претендентов на президентское кресло присоединился вернувшийся из эмиграции принц Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона. Однако безусловным фаворитом считался глава исполнительной власти и председатель правительства генерал Кавеньяк.

К концу октября 1848 г. работа над конституцией была завершена, и 4 ноября Учредительное собрание утвердило ее. На повестку дня вставал вопрос о выборах главы государства. Их назначили на 10 декабря.

За два дня до выборов резидент Третьего отделения докладывал в Петербург: «Согласно закону новой конституции, для того чтобы кандидат мог быть избран в президенты непосредственно народом, он должен получить больше половины всех поданных голосов, иначе он должен подвергнуться двухстепенным выборам. Это значит, что Национальное собрание решает, который из кандидатов, получивших наибольшее количество голосов, будет назначен президентом. Это распоряжение было ловко учтено кликой «National», чтобы обеспечить назначение генерала Кавеньяка и устранить Луи Бонапарта...

Бесспорно, огромные массы населения провинции расположены в пользу Луи Бонапарта. За Ледрю-Роллена будут голосовать ультра-демократы больших городов; за Кавеньяка же — все те, которые поддерживают настоящее правительство. Вместе с тем много избирателей и сторонников красной республики, не надеясь собрать достаточное количество голосов для избрания Распая, расположены отдать свои голоса Кавеньяку, чтобы отвести Луи Бонапарта, в лице которого они видят представителя реакции. Кавеньяк был бы продолжением настоящего положения вещей; Бонапарт же означает некоторое изменение, как бы пришествие династии»²¹.

¹⁸ Речь идет о газете «Насьональ» («Le National»), основанной в январе 1830 г. А. Тьером, А. Каррелем, Ф.-О. Минье и О. Сотеле. Газета сыграла важную роль в объединении противников режима Реставрации накануне Июльской революции 1830 г. На ее страницах постоянно выступал Годфруа Кавеньяк. В 1846 г. редактором «Насьональ» стал друг и единомышленник Кавеньяка Арман Марра, при котором эта прежде либеральная газета получила республиканскую направленность. Марра, как главный редактор, постоянно поддерживал генерала Кавеньяка, брата своего покойного друга.

¹⁹ Эти генералы Африканской (Алжирской) армии были недовольны стремительным и необоснованным, как они полагали, взлетом карьеры Кавеньяка. Большинство из них в отличие от республиканца Кавеньяка были убежденными монархистами, не склонными одобрять республиканский строй, установленный во Франции в феврале 1848 г. Один из этих генералов, Н. Шангарнье составит конкуренцию Кавеньяку на президентских выборах, но потерпит сокрушительное поражение.

²⁰ Революция 1848 г. во Франции (Донесения Я. Толстого), с. 115—116.

²¹ Там же, с. 121—122.

Результаты голосования в целом подтвердили прогноз Я.Н. Толстого и не оправдали надежд умеренных республиканцев, сторонников генерала Кавеньяка. Из 7 млн 300 тыс. французских избирателей Кавеньяк получил лишь 1 млн 448 тыс. голосов. Его главный противник, Луи-Наполеон Бонапарт, собрал в четыре раза больше — 5 млн 434 тыс. (74%), одержав убедительную победу. Результаты остальных кандидатов оказались весьма скромными, а для некоторых даже позорно низкими: Ледрю-Роллен — 371 тыс. голосов; Распай — чуть более 36 тыс.; Ламартин — менее 18 тыс. Список неудачников замыкал амбициозный генерал Шангарнье со смехотворным результатом в 4790 голосов²².

Избирательный ресурс главы исполнительной власти оказался вовсе не таким большим, как многим представлялось. Против Кавеньяка сработал новый избирательный закон, предоставивший право голоса всем гражданам мужского пола, включая малоимущих. Несомненно, что при прежней цензовой системе голосования победителем стал бы именно он, генерал Кавеньяк, которого поддерживала крупная и средняя буржуазия. Но численность избирателей из этих слоев была несопоставима с массой тех, кто принадлежал к малоимущим гражданам Второй республики. В их глазах Кавеньяк необратимо скомпрометировал себя кровавым подавлением Июньского восстания в Париже, поэтому они предпочли отдать голоса его противникам — Луи-Наполеону, обещавшему решить наболевший «рабочий вопрос», а также Ледрю-Роллену, Распаю или Ламартину.

Поражение Кавеньяка было настолько очевидным, что он не стал оспаривать результаты выборов. Не прибегнул он и к испытанному средству многих диктаторов — государственному перевороту в свою пользу. В этом отношении он повел себя достойно, недаром некоторые сравнивали его с Дж. Вашингтоном.

20 декабря Национальное (Законодательное) собрание утвердило результаты голосования, после чего присутствовавший на заседании генерал Кавеньяк поднялся на трибуну и объявил о сложении с себя полномочий главы исполнительной власти и председателя Совета министров.

* * *

Оставаясь депутатом Законодательного собрания, Кавеньяк встал в оппозицию принцу-президенту Луи-Наполеону, справедливо подозревая Бонапарта в далеко идущих намерениях, противоречивших республиканским ценностям. Генерала не часто видели на парламентской трибуне, но в редкие свои выступления он критиковал попытки главы государства расширить собственные полномочия в ущерб прерогативам законодательной власти. Кавеньяк резко воспротивился и намерению Луи-Наполеона продлить эти полномочия путем частичного пересмотра конституции, запрещавшей президенту занимать этот пост более одного срока.

Перед лицом сопротивления его конституционным планам со стороны республиканцев и монархистов (орлеанистов и легитимистов) Луи-Наполеон выбирает неконституционный вариант действий. 2 декабря 1851 г., распустив Законодательное собрание, Государственный совет и приказав арестовать лидеров оппозиции, он осуществляет государственный переворот²³.

Одним из первых в ночь на 2 декабря был арестован генерал Кавеньяк. Его доставили в тюрьму предварительного заключения Мазас, неподалеку от Лионского вокзала, а через несколько дней перевели в тюрьму-крепость в департаменте Сомма, где десятью годами раньше отбывал пожизненный срок Луи-Наполеон, которому в 1846 г. удалось совершить оттуда побег и укрыться в Англии. В отличие от Луи Бонапарта заключение генерала Кавеньяка продлилось чуть более месяца. Убедившись в том, что

²² *Aprile S.* La II-e République et le Second Empire 1848–1870. Du Prince Président à Napoléon III. Paris, 2000, p. 140.

²³ См. *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 8.

бонапартистский режим обрел устойчивость, принц-президент великодушно освободил своего недавнего соперника из тюрьмы и даже позволил принять участие в выборах в новый парламент — Законодательный корпус.

В марте 1852 г. Кавеньяк побеждает в одном из избирательных округов Парижа и вновь становится депутатом. Однако принять участие в парламентской работе ему не пришлось: он отказался принести присягу верности новому режиму и поэтому не был допущен в Законодательный корпус.

Вскоре Кавеньяк был вынужден уехать из Парижа и уединиться в своем имении Урн, в департаменте Сарта (бывшая историческая провинция Мэн), на западе Франции. Там он коротал время в кругу своей маленькой семьи, состоявшей из жены Луизы, урожденной Одье, и только что родившегося сына — Эжена Годфруа, названного в честь покойного дяди. Находясь вдали от столицы, Кавеньяк внимательно следил за парижской политической жизнью, главным событием которой стало уничтожение республиканского строя и провозглашение в декабре 1852 г. Второй (бонапартистской) империи во главе с Наполеоном III. Старому республиканцу не оставалось ничего другого, как сокрушенно констатировать, что его давние подозрения в отношении Бонапарта оказались обоснованными.

Кавеньяк налаживает контакт с редакцией республиканской газеты «Siècle», где публикует свои критические в отношении бонапартистского режима статьи. Время от времени он навещает Париж, но надолго там не задерживается. В марте 1857 г. он в третий раз избирается в парламент, однако, как и пятью годами ранее, отказывается присягнуть, на этот раз Второй империи. Кавеньяк опять возвращается в Урн. Там 28 октября он скоропостижно умирает в возрасте 55 лет.

* * *

Наверное, самый содержательный некролог на смерть Кавеньяка написал человек, мало сказать, далекий от генерала по политическим взглядам. Он придерживался совершенно противоположных — демократических и социалистических — убеждений. Автором этого некролога, написанного в форме биографического очерка, был современник Кавеньяка, уже упоминавшийся выше русский публицист, литературный критик и писатель Н. Г. Чернышевский, всегда пристально следивший за событиями во Франции. Фрагментом этого очерка, опубликованного в 1858 г. в № 1 журнала «Современник», мы и завершим рассказ о жизни генерала Кавеньяка, одного из эфемерных правителей Франции.

«Кавеньяку, — писал Чернышевский, — очень многие предназначали одну из значительнейших ролей в движении, близость которого равно предвидится во Франции людьми всех мнений. Потому внезапная смерть предводителя “умеренных республиканцев” Франции для многих его соотечественников была тяжелой потерей, для многих других — облегчением опасностей. Друзья Кавеньяка прямо выразили свою печаль, но враги его не отважились обнаружить своей радости; боясь признаться в шаткости своего положения тем, когда выразят удовольствие, что смерть Кавеньяка освободила их от одного из их страхов, они поспешили принять вид также огорченный и присоединить свои притворные сожаления к искренней скорби друзей покойного. “Moniteur”, “Constitutionnel” и другие органы декабрьской (бонапартистской. — П.Ч.) системы наравне с “чистыми республиканцами” превознесли его “великие, безмерные услуги” Франции, называя его даже “спасителем отечества”.

Но если многочисленны во Франции друзья и противники партии, предводителем которой был Кавеньяк, то еще многочисленнее люди, смотрящие на эту партию со спокойным беспристрастием, как на историческое явление, уже отжившее свой век, как на бесцветный остаток старины, бессильный в будущем, и на добро и на зло, обсуждающие прошлую ее деятельность без всякого увлечения надеждами или опасениями.

Они думают, что в панегириках над гробом Кавеньяка, внушенных одним искренностью чувства, другим — соображениями приличия и расчетливости, гораздо

больше риторики или ослепления, нежели основательности. Они находят, что Кавеньяк, заслуживавший полного уважения как частный человек, качествами своего характера вовсе недостоин ни удивления, ни даже признательности как государственный человек; что при всем своем желании быть полезным родине он во время своего диктаторства принес ей гораздо больше вреда, нежели пользы, потому что убеждениям, руководившим его действиями, недоставало практичности, и действия его не соответствовали потребностям общества, которым привелось ему управлять.

Его образ мыслей испортил все дело. Высокая честность, энергическая воля, добрые намерения — этих качеств совершенно достаточно для почтенной деятельности в размеренном круге частной жизни, где все определяется обычными отношениями и объясняется многочисленными примерами. Этими достоинствами обладал Кавеньяк; но их мало государственному человеку, который постоянно находится в отношениях очень многосложных, в положениях, не разрешимых прежними случаями, потому что в истории ничто не повторяется и каждый момент ее имеет свои особенные требования, свои особенные условия, которых не бывало прежде и не будет после. Без достоинств, уважаемых обществом в частном человеке, государственный человек не будет полезен родине; но, кроме их, ему нужны еще другие, высшие достоинства.

Он должен верно понимать силы и стремления каждого из элементов, движущих обществом; должен понимать, с какими из них он может вступать в союз для достижения своих добрых целей; должен уметь давать удовлетворение законнейшим и сильнейшим из интересов общества как потому, что удовлетворения им требует справедливость и общественная польза, так и потому, что, только опираясь на эти сильнейшие интересы, он будет иметь в своих руках власть над событиями. Без того его деятельность истощится на бесславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые им, восстанут против него, и результатом будут только бесплодные стеснительные меры, которые необходимо приводят или к упадку государственной жизни, или к падению правительственной системы, чаще всего к тому и другому вместе.

Так было и с Кавеньяком. Он наделал ошибок, которые дорого стоили Франции и низвергли его собственную власть. В нем не было качеств, нужных государственному человеку.

Не говоря теперь о том, хороши или дурны были цели Кавеньяка, скажем только, что имени государственного человека заслуживает единственно тот правитель, который умеет располагать свои действия сообразно этим целям; а у Кавеньяка каждое правительственное действие противоречило его целям, служило в пользу не ему, а его противникам. Вся его государственная деятельность обратилась только в пользу Луи-Наполеону. Тот плохой государственный человек, кто работает во вред себе, в выгоду своим противникам.

Но ответственность за ошибки Кавеньяка не должна падать исключительно на него. Она падает на всю ту партию, представителем которой он был, потому что он действовал не по личным своим расчетам и выгодам, а только как служитель известного образа мыслей, общего ему со всею партией “чистых республиканцев”; он постоянно руководился мнениями этой партии; ошибки его — не его личные ошибки, а заблуждения целой партии; ими обнаруживается несостоятельность для Франции того образа мыслей, которого он держался. “Чистые республиканцы” забывали, что политическая форма держится только тем, когда служит средством для удовлетворения общественных потребностей; они воображали, что слово “республика” само по себе чрезвычайно привлекательно для французской нации; они хлопотали о форме, не считая нужным позаботиться о том, чтобы форма принесла с собою исполнение желаний французского народа; они мечтали, что народ, не получая от формы никаких

существенных выгод для себя, станет защищать форму ради самой формы. И форма упала, не поддерживаемая народом»²⁴.

Драма генерала колониальных войск Эжена Кавеньяка состояла в том, что как политик он обнаружил свою полную несостоятельность. Французы, в 1848 г. впервые получившие возможность свободного политического выбора, решительно отвергли притязания генерал-карателя на роль законно избранного главы государства.

Кавеньяк не сумел стать и подлинным вождем выдвинувшей его на первый план партии так называемых умеренных республиканцев. «Чистые», по определению Чернышевского, умеренные республиканцы в критический момент вынужденно обратились к его услугам из-за отсутствия в их рядах более яркой, авторитетной фигуры.

Да и сами претензии умеренных республиканцев на власть оказались преждевременными, что подтвердила недолгая история созданной ими, но фактически так и не состоявшейся Второй республики. Потребуется еще три десятилетия, прежде чем умеренные республиканцы достигнут своей заветной цели — окажутся у руля власти уже в Третьей республике.

²⁴ Чернышевский Н. Г. Указ. соч., с. 6—8.